

И. И. МЕДВЕДЕВ

В. П. БЕНЕШЕВИЧ
КАК «ДУШЕПРИКАЗЧИК» И. П. ЛИХАЧЕВА

В последние три года жизни у И. П. Лихачева, пожалуй, не было более близкого по духу, по научным интересам, по общности горестных переживаний друга, чем В. Н. Бенешевич. Сама судьба распорядилась так, чтобы оба они оказались вовлеченными дьявольскими силами в фантастично так пылывающего «академического дела»,¹ приняв крестные муки сидок и лагерей, на сей раз выжили, вернулись в Ленинград, с тем чтобы в поединке экстремальных условиях успеть еще что-то воплотить из задуманного ранее.

Свидетельств об их контактах в эти годы не так уж много, но все сохранившееся весьма красноречиво. Вот, например, письмо В. Н. Бенешевича от 22 октября 1933 г.: «Дорогой И. П. Все хочу повидать Вас, и сил не хватает исполнить это желание. А у меня есть и дело. Я работаю теперь над *Melanchthoniana*,² нашел его (т. е. Филиппа Меланхтона. — И. М.) *dictatus* к греческим текстам его же издания, записанные его учеником *Aloysius Cassanus*, тоже известным деятелем Реформации. Нет ли в Вашем музее материалов из этой эпохи, поближе к 1519—1525 гг.? Может быть, найдутся хотя бы и печатные издания (указано несколько изданий XVI в. — И. М.)? Вообще мне интересно было бы узнать от Вас об этом всем, так как лучше Вас никто мне ничего не скажет. Знаю, что растредило мучительную рану, но я и сам мучаюсь от такой же раны и только жалею, что не убил еще и физически, что дожид и увидел разгром работы всей моей жизни. А пока живу, надо работать, чтобы иметь силу жить. С сердечным приветом Вам В. Бенешевич».³

С аналогичным письмом он обращается к Николаю Петровичу и 22 февраля 1934 г.: «Дорогой И. П., все время собираюсь к Вам,

¹ «Скорбная летопись» этого «дела» пишется БАН России начинают публиковаться «документы и материалы дела, сфабрикованного ОГПУ», выпущен уже 1-й том, посвященный акад. С. Ф. Платонову (см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993); предусмотрены, между прочим, тома с материалами обвинения И. П. Лихачева и В. П. Бенешевича.

² См. издание: *Melanchthoniana: Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des byzantinischen Rechts in Westeuropa 1521—1560* / Von W. Beneszewicz. München, 1934. 125 S.

³ СПб. ФА РАН. ф. 246, ин. 3, ед. кр. 79, л. 7.

а в последние дни особенно, так как узнал, что Вы нездоровы; но беда в том, что просто сил и времени нет. А теперь еще угнетает мучение с паспортом Людмилы Фаддеевны (жены В. Н. Бенешевича, дочери выдающегося ученого-антиковеда Ф. Ф. Зелинского. — И. М.), которая вернулась 17 февраля из ссылки на новые мучения <...>. На днях зайду к Вам. Сердечно преданный Вам В. Бенешевич».⁴

Совершенно неизвестными до сих пор были их планы совместных научных работ, которым не суждено было осуществиться. Из письма знаменитого немецкого византиста Франца Дильгера к Бенешевичу от 16 марта 1936 г. мы узнаем, что последний обращался к Дильгеру за содействием в деле его (В. Н. Бенешевича) и Н. П. Лихачева сотрудничества в издании корпуса мениндоулюн, которое собирался предпринять (и, как мы знаем, действительно осуществил много времени спустя) известный французский ученый-ассомпционист Виталиен Лоран. «Это, — замечает Дильгер, — заслуживает всяческого внимания (ist sehr beachtenswert), и я надеюсь переговорить с ним, когда ему удастся проехать через Германию. Я видел последнюю статью Лихачева в *Vuzantion'e* о печати патриарха Игнатия⁵ и то, как тяжело Вы страдаете из-за нехватки литературы; и так трудно помочь, ибо все менее обочримой становится масса выходящей литературы и даже для самого себя удается с большим трудом раздобыть лишь самое необходимое».⁶

Вышеупомянутый проект совместной работы по изданию корпуса печатей был, однако, обречен на неудачу, и даже не потому, что 14 апреля 1936 г. Николая Петровича не стало, но и из-за позиции Лорана, о которой мы узнаем из другого письма Дильгера Бенешевичу. 16 апреля 1936 г., еще не зная о смерти Н. П. Лихачева (его письмо было ответом на письмо Бенешевича, отправленное 25 марта), Дильгер, между прочим, пишет: «Добавлю, что я получил от Лорана ответ, который, к сожалению, в деле с печатями Лихачева снова не очень ободряющ. Положение вещей здесь тоже значительно запутаннее, чем можно принять на первый взгляд. Короче: Лоран предпринимает издание печатей по поручению Французской Академии (*Collège de France*)^{6а} и вообще ничего не может делать от себя. Он говорит, что правильнее было бы Вам обратиться непосредственно к Французской Академии (*Coll. de France*). Поскольку печати должны публиковаться по „фондам“, у Лорана еще довольно времени, чтобы обождать; впрочем, он (?), по-видимому, очень хорошо снабжен русским материалом, в том числе соответствующими очень редкими и дорогими трудами. [Лоран] пишет, что в сотрудничестве с г-ном Л[ихачевым] или с Вами потому еще у него не может быть речи, что 1) число обработанных или зафотографированных им печатей вдвое больше того, что могли бы ему предложить Вы, и он сомневается, что Эрмитаж владеет 5000 византийских печатей; 2) он знает наперед, что *Collège de France*, при

⁴ Там же, т. 8.

⁵ Имеется в виду статья: *Lichadze N. P. Le sceau du patriarche Ignace // Annuaire de l'Inst. de philologie et d'histoire Orientales*. Т. 3. Bruxelles, 1935. P. 303—310.

⁶ СЛБ. ФА РАН, ф. 192, оп. 2, ед. хр. 62, л. 28.

^{6а} Дильгер допускает неточность, отождествляя два разных учреждения Французскую Академию наук и Коллеж де Франс. Лоран работал по поручению второго.

весьма различной точке зрения отдельных кругов, не примет во Франции какого-либо сотрудника из России; Мидле, как обычно в своей манере, просто оставит без ответа подобные неприятные для него запросы и предложения; 3) для него же (Лоран) гораздо лучше, если лихачевская рукопись с таблицами будет напечатана (очевидно, в России. — *И. М.*), чтобы затем он смог использовать ее в полном издании, окончание которого следует ожидать только лет через семь. Вот что он может только сделать, так это закупить, скажем, клише для печатей. Лоран полагает, что было бы очень хорошо, если бы Вы смогли появиться на следующем конгрессе,⁷ с тем чтобы можно было обсудить все эти вещи...»⁸

Как видим, французский ученый весьма скептически оценивал как перспективы франко-русского сотрудничества, так и возможности русских ученых как партнеров (если, конечно, Дюлагер не искал несколько его точку зрения, что маловероятно). Особенно поражает его легкомыслие в вопросе о наличии в Эрмитаже столь крупной коллекции византийских монетовидов (на самом деле она еще крупнее и насчитывает ныне свыше 12 тысяч печатей).⁹ По-видимому, Бененкович в известном нам письме непосредственно к Виталию Лорану постарался раставить все точки над «о», так как в ответном пространным письме к Бененковичу от 17 августа 1937 г. Лоран, между прочим, касается и этого дела, причем в несколько ином тоне: «...Не знаю я, — пишет он, — как решить проблему с печатями. Коллеж де Франс не расположен обсуждать ее до получения официальных заверений в том, что его просьба будет уважена; во-вторых, мне дано указать не передавать никакой просьбы о муляже или о фотографиях до получения предварительного документа (во французском тексте употреблено немецкое слово *Vorfaktur*. — *И. М.*)! Это туник в конце пути, который до сих пор был быстрым и легким. Если бы речь шла только о горстке свинца, я бы утешился, но 5 паяж! Это чересчур для неминуемых *Beiträge!*

⁷ Вместе с иудей V Международный конгресс византийских исследований, который состоялся 20—27 сентября 1936 г. в Италии (Рим), ни о каком участии в котором В. И. Бененковича не могло быть и речи.

⁸ СГБ, ФАБ РАН, ф. 192, оп. 2, ед. хр. 67, л. 29: «...Bescheid, der nun leider wiederum auch in der Angelegenheit Lachaeus-Siegel nicht sehr ermutigend ist. Die Dinge liegen hier auch viel verwickelter als man auf den ersten Blick erkennen kann. Kurz gesagt: Laurent unternimmt die Herausgabe der Siegel im Antrage der Französischen Akademie (Collège de France) und kann von sich aus überhaupt nichts tun. Er sagt, das Richtige wäre, wenn Sie sich direkt an die Franz. Akademie (Coll. de France) wenden. Da die Siegel nach «fonds» publiziert werden sollen, hat Laurent reichlich Zeit, abzuwarten, ist übrigens mit dem russischen Material annehmend sehr gut versehen, auch mit den sehr schönen und feineren einschlägigen Schriften. I. schreibt, dass eine Mitarbeit von Herrn [Lachaeus] oder Ihrerseits deshalb für ihn nicht in Frage komme, weil 1) die Zahl der von ihm bearbeiteten oder fotografierten Siegel das Doppelte betrage von dem, was Sie ihm anbieten könnten, und er bezweifle, dass die Ermitage 5000 byzant. Siegel besitze, er wisse 2) im voraus, dass das Collège de France bei der sehr verschiedenen Einstellung der einzelnen Kräfte in Frankreich einen Mitarbeiter aus Russland nicht annehmen werde; Millet werde, wie das seine Art sei, solche ihm unangenehmen Anfragen und Anträge einfach ohne Antwort lassen; 3) es sei ihm (Laurent) viel lieber, wenn Lachaeus' Manuskript mit den Tafeln gedruckt würde, damit er es dann für das Sammelwerk, dessen Vollendung erst in 7 Jahren zu erwarten sei, verwenden könne. Was er allein tun könne, sei, dass er etwa die Kisehees zu den Siegeln kaufe. Laurent meint, es wäre sehr gut, wenn Sie auf dem nächsten Kongress erscheinen könnten, um diese Dinge zu besprechen...»

⁹ Шандровская В. С. Византийские печати в собрании Эрмитажа. Л., 1975. С. 6.

Если бы я по крайней мере мог себя тешить возможностью ознакомиться с этими сокровищами на месте!¹⁰

Не совсем понятна роль, которая отводилась в этом ситилографическом проекте непосредственно В. Н. Бенешевичу. Думается, что она мыслилась как чисто вспомогательная или, скорее, как роль своеобразного «душеприказчика» Н. П. Лихачева: чувствуя близкий конец, престарелый и больной ученый доверил своему более молодому другу (разница в возрасте в 12 лет!) довести дело своей жизни до конца, не догадываясь, очевидно, что кандидатура была не очень подходящей (дамоклов меч репрессивной системы снова зависал уже над Бенешевичем), или, скорее всего, просто не имея выбора. Как бы то ни было, рукописи гравированных неопубликованных работ академика прошли через руки Бенешевича, фактически сохранены им. Это явствует, в частности, из переписки В. Н. Бенешевича с директором Центрального Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичем. Так, письмо Бенешевича от 26 сентября 1937 г. гласит: «Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич, Не дал я Вам вчера (при личной встрече? — Н. М.) ответа еще на один вопрос: «не имеются ли подобные рукописи, которые замеры в последнее время и не издашь?». Есть такие и у меня, но требуют восстановления после несчастий с ними, а есть и среди работ Н. П. Лихачева весьма замечательная и совсем готовая к печати: «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» часть III, куда входят:

Часть I. Сфрагистика Византия [Новгород] 170 лл. + 167 кл.			
1.	Печати [целиков] Новгород]	лл.	1—87, клише 1—67
2.	„ посадников] и пашин]	лл.	82—127, клише 68—129
3.	„ повторенных] копий.	„	128—132, „ 130—138
4.	„ „ „ „ „ „	„	133—157, „ 139—162
5.	„ [инструмент] печати и пломбы в [целиком] Новгород]	„	158—170, „ 163—167
Часть II. Печати наместников Новгородских].			
„	III. „ князей Тверских].	II	стр. + 13 кл.
„	IV. „ метатрических] великих] князей и царей Московских]	41	„ + 36 „
„	V. „ великих] князей Московских] и князей удельных]	59	„ + 85 „
„	VI. История образования государственной печати Московского] государства XV—XVI вв.	145	„ + 85 „
„	VII. Красно-посадская]. т. наз. «кормицкая» печать, бывшая при Иване III и Василии III	27	„ + 22 „

¹⁰ СИП. ФА РАН, ф. 192, оп. 2, ед. хр. 208: «Je ne sais comment résoudre l'affaire des Secaux. Le Collège de France n'est pas disposé à traiter avant d'avoir reçu des assurances formelles que sa demande sera agréée; en second lieu, consigne m'est donnée de ne passer aucune demande de moulage ou de photographie avant réception d'une Vorkaufur! C'est une impasse, au bout d'une course qui jusqu'ici avait été rapide et aisée. S'il ne s'agissait que d'une poignée de plomb, je ne consulerais, mais 5 mille! C'est trop pour les inmanquables Heitragel! Si du moins je pouvais me flatter de pouvoir consulter ces trésors sur place!»

· VIII Печати старейших иерархов Московского [сударягга]	81	.	+	77
· IX под бумажкой «кустодии»	7	.	+	5
всего 170 дл., 382 стр., 503 клише				

Вышли вып. I¹¹ и II этих же «Материалов», но вып. II уничтожен, осталось, кажется, в Архиве АН чуть ли не 150 экз.; а выпуск этот замечательный, имеет руководящее значение и в таких вопросах, где западноевропейцы работали долго и с успехом. Над ним Лихачев долго трудился с помощью А. В. Орешникова,¹² хорошо бы дать ход и этому выпуску).

Для добывания же труда о византийских печатях, исчезнувшего в результате обыска 5.IX, хорошо было бы сделать так. Пусть АН (или Вы?) напишет мне предложение выдать находящийся у меня труд Н. П. Лихачева о византийских печатях, необходимый АН для скорейшего издания. Я обращусь тогда в НКВД с просьбой о выдаче мне моих материалов и клише, приложив бумагу АН. Что будет правильно, и удобно, и быстро. Впрочем, конечно, Вам виднее, что лучше.

Если бы оказалось, что оригинал пострадал, то можно его восстановить. Очень прошу Вас держать меня в курсе дела, и я буду всегда рад Вам служить и по мере и сверх сил, пока жив.

Плохо мне придется от Орбели, сами увидите. Не считайте дело выгнанным до тех пор, пока не увидите подписанным к печати последний лист! Все время держите его в руках, иначе не пойдет! Оно ведь было уже в АН, произошло раньше муки, и наследники рады, что получили его обратно.¹³ С сердечным приветом искренне преданный Вам В. Бенешевич.¹⁴

По-видимому, В. Д. Бонч-Бруевич не удовлетворился представленной информацией и попросил уточнить некоторые детали, что Бенешевич и делает письмом от 6 октября 1937 г.: «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! Отвечаю на Ваше (несохранившееся) — Н. М.) письмо немедленно по пунктам. Рукописи Лихачева до сих пор не имели. Может быть, она находится у меня же в комнате в одном из запечатанных шкафов, но 3 октября я вторично обратился в НКВД с просьбой об открытии шкафов и пока жду результата своего обращения.¹⁵ Поэтому вперед до открытия шкафов не стоит ее искать среди унесенных из комнаты. Внешний вид ее: завязана в бумагу с надписью: «работа Н. П. Лихачева», а название ее точно не помню, вроде: «Описание византийских печатей Альбо-

¹¹ См. издание: *Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Изд. ИИТруды Мужей Палеографии. Т. I. Зп., 1928. 175 с.

¹² О теснейших дружеских и деловых связях Н. П. Лихачева с заведующим отделом нумизматики Исторического музея А. В. Орешниковым (1855—1933) см.: *Зубова Н. Л. Письма Н. П. Лихачева к А. В. Орешникову (1917—1922)* // *Рекв. времени*. Кн. вторая. М., 1995. С. 155—191.

¹³ Не совсем ясна роль академика Н. А. Орбели, и то время уже бывшего директором Эрмитажа, в том деле. Почему же именно его должен был опасаться В. П. Бенешевич?

¹⁴ РГБ, ф. 369, карт. 239, ед. кр. 9, л. 33—34 об.

¹⁵ «Результат» не замедлил последовать: 27 ноября В. П. Бенешевич снова, и теперь уже окончательно, бая престояши.

ма Н. П. Лихачева".¹⁶ Повторяю на всякий случай, что этот альбом, т. е. все таблицы, готовы, да и клепки к ним сечь или в Институте истории АН или в Институте археолог(ии) (бывш[ей] ГАИМК).

Рукопись „Матер[иалов]“, вып. III, находится у наследников Л[ихаче]ва и доступна для обозрения здесь всегда; а если Вы хотите к себе, то Геннадий Ник[о]лаевич Л[ихаче]в¹⁷ придет сюда в ноябре и, едуци отсюда, может привезти Вам. Конечно, это очень нескоро выходит, но наследники боятся пересылать не через надежного человека.¹⁸

Клеще все сделаны и здесь. Вып. II Матер[иалов] у меня нет, так как ведь он был уничтожен. В свое время ответил Н. П. Лихачеву официально из АН, что выш[е]ска] нет, а в самой АН секретарь РИСО Гипшуге-Покровская мне лично сказала в 1933 г., что этот выш[е]ска] Лихачева, мой I-й вып. II-го тома „Древнеславянск[ой] Кормчей“¹⁹ и др. издания уничтожены; кто-то мне, однако, сказал, что сохранило 150 экз. III (надо: II. — *И. М.*) вып. „Материалов“ Л[ихаче]ва, и они сланы в Архив АН; отсюда, значит, Вы и можете получить <...>. С глубоким уважением В. Бенешевич.²⁰

Да, жаль. Все эти работы могли быть уже давно опубликованными, не вменяйся в это дело потусторонние силы. Мне не известно, проводил ли Николай Петровича в последний путь на Смоленское кладбище В. П. Бенешевич. Но факт, что именно ему пришлось оповестить ученый мир об утрате.²¹ Тот же Франц Дашлер письмом из Мюнхена от 23 апреля 1936 г. (Бенешевич поместил как обычно: «получ. 12.V.36») извещает, что с глубокой печалью узнал из полученной от Бенешевича открытки о смерти Н. П. Лихачева, и добавляет: «Ушел из жизни еще один из самых лучших интантистов России, и мы с тревогой наблюдаем, что великая русская

¹⁶ Точное название такое: «Фрагментарный альбом Четьи II Молитовулы греческого Востока (Таблицы I.VIII—I.XXXIII, для сопоставления с русскими металллическими печатями)». По-видимому, речь идет о той многострадальной рукописи, которая, в конце концов отложившись в фонде Н. П. Лихачева (С116, ФА РАН, ф. 246, оп. 1, ед. кр. 153—155), недавно трудом В. С. Шадринской была опубликована в 19-м томе «Научного наследия» к XVIII Международному конгрессу востоковедов *Лихачев Н. П.* Молитовулы греческого Востока. М., 1991. 358 с.

¹⁷ Сын Н. П. Лихачева. Из письма вытекает, что и после смерти Н. П. Лихачева В. П. Бенешевич находился в тесных отношениях с семьей ученого (наследниками), как он предпринимает выражаться).

¹⁸ Рукопись и вообще хранится в фонде Н. П. Лихачева (С116, ФА РАН, ф. 246, оп. 1, ед. кр. 123).

¹⁹ Сохранившиеся рукописи и корректуры позволили опубликовать этот труд уже в наше время. См.: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд Н. П. Бенешевича. Том второй/Подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю. К. Бесуновым, М. С. Чукуровым и Я. П. Щаповым. Под общим руководством Я. П. Щапова. София, 1981. 331 с. Может быть, такая же судьба ждет и II вышук «Материалов» Н. П. Лихачева? Хотелось бы надеяться.

²⁰ РГБ, ф. 369, карт. 239, ед. кр. 9, л. 35—36 (автограф).

²¹ Впрочем, сначала ему пришлось опровергнуть преждевременно появившиеся в Европе слухи о смерти Николая Петровича. Так, еще в 1928 г. в письме к Бенешевичу из Брюсселя болондист П. Петере, смущенно опровергая, и тактично вставляя во французский текст русские слова и выражения, пишет: «L'erreur que j'ai commise au sujet de N. P. Likhachev est de celles que l'on est tout particulièrement heureux et joyeux de reconnaître et de rétracter. Si j'avais l'honneur de connaître N. P., je m'excuserais auprès de lui, quo'eto преждевременно отговал» (С116, ФА РАН, ф. 192, оп. 2, ед. кр. 144, л. 1).

византистике теряет из своих рядов одного [представителя] за другим, и то время как новые силы не подрастают». Узнав из письма В. Н. Бенешевича от 27 апреля 1936 г. о намерении последнего написать для «*Byzantinische Zeitschrift*» некролог о Лихачеве, Дзильгер (редактор этого журнала) пишет ему из Мюнхена письмо от 16 мая 1936 г. со словами: «Спасибо за сведения о Лихачеве. Было бы лучше составить некролог размером не больше одной страницы (в своих многочисленных письмах к Бенешевичу Дзильгер постоянно жалуется на нехватку места в журнале из-за ограниченного объема. — Н. М.) и только о собственно византийском в творчестве Лихачева — для следующей выпуска *Byzantinische Zeitschrift*. Если это Вам по каким-то причинам не подходит, то я был бы готов взять на себя составление статьи, при условии, что Вы мне сообщите еще некоторые данные о византийских аспектах творчества Лихачева».²³

Ясно, что Бенешевич воспользовался именно этим последним предложением Дзильгера, так как после двухкратного объявления и переобъявления о некрологе,²⁴ последний, наконец, появился в первом выпуске 37-го тома «*Byzantinische Zeitschrift*» за 1937 г., причем за подписью «Ф. Д.».²⁵ Именно об этом некрологе Н. П. Лихачеву упомянул М. В. Левченко в своей погромной речи в адрес В. Н. Бенешевича на печально достопамятном заседании кафедры истории средних веков ЛГУ 10 октября 1937 г.: «Недавно в немецком „Византийском Временишке“, — сказал он, имея в виду «*Byzantinische Zeitschrift*», — по поводу смерти Лихачева был помещен некролог, где потоками грязи обливался Советский Союз, где писавший, что Лихачев работал в невероятных условиях и от тяжести их умер».²⁶ Под «потоками грязи» понималась, очевидно, заключительная, несомненно от самого Франца Дзильгера исходящая фраза некролога, которая в моем не очень-то изящном переводе звучит так: «То, что с кончиной этого замечательного ученого наполняет нас особой скорбью, это не только сознание особо болезненной утраты личностного характера, но и тот факт, что с Лихачевым от нас ушел один из последних ученых мужей нынешней России, которые в невероятных условиях и почти сверхчеловеческим усердием продолжали нести дьявольский факел европейской науки; правда (и это то, что заставляет нас смотреть в будущее с величайшей тревогой), на том месте, где этот борец вынужден был, побежденный смертью, выпустить из рук этот факел, не видно никого, кто бы подхватил его».²⁷ Доподлинно ли Левченко, что подлинным автором некролога был В. Н. Бенешевич? Думаю, это не исключается (иначе зачем было вспоминать о Лихачеве, ведь электурии подвергнется

²³ СГБ. ФА РАН, ф. 192, оп. 2, ед. кр. 62, л. 1: «Wieder ist einer der besten Byzantinisten Russlands dahingegangen und wir sehen mit Besorgnis, dass die große russische Byzantinistik einen nach dem anderen aus ihren Reihen verliert, ohne dass neue Kräfte nachwachsen».

²⁴ Там же, л. 30.

²⁵ *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, Bd. 36, H. 1, S. 288; H. 2, S. 544.

²⁶ *Ibid.*, 1937, Bd. 37, H. 1, S. 284—285.

²⁷ Архив СГБУ, ф. 1, оп. 1, карта 8, д. 1606, л. 22.

²⁸ *Byzantinische Zeitschrift*, 1937, Bd. 37, H. 1, S. 285: «Was uns beim Hinscheiden dieses vortrefflichen Gelehrten mit besonderer Trauer erfüllt, ist nicht nur das Bewusstsein eines besonders schmerzlichen Verlustes persönlicher Art, sondern die Tatsache, dass mit Lichacev einer der letzten Männer des heutigen Russlands von uns gegangen ist, welche mit fast übermenschlicher Kraft unter widrigsten Umständen, die Fackel der europäischen

Бенешевич), но предосторожность Дзюллера оказалась не лишней, хотя и не решающей в судьбе Бенешевича.

Сохранился и русский вариант составленного В. Н. Бенешевичем некролога Н. П. Лихачеву, в несколько иной, по сравнению с немецким вариантом, редакции, но при наличии несомненных общих мест (датирован 5 сентября 1936 г.).²⁸ Слова этого проникновенного и трогательного в своих подробностях некролога «сегодня читаются и как грустная эпитафия, и как мнение друга и коллеги по республике ученых, и как характеристика времени, но в то же время как эпитафия и завещание».²⁹ Это был единственный некролог великому труженику науки, да и опубликованным он смог стать лишь в наши дни.³⁰ Самому Владимиру Николаевичу Бенешевичу писать некролог было уже некому.

Приведем в заключение тексты двух «ответных» писем Н. П. Лихачева к В. Н. Бенешевичу, сохранившихся в личном фонде последнего.

1. 20 октября 1933 г., г. Ленинград.

Дорогой Владимир Николаевич! Был рад получить от Вас письмо, но едва ли смогу сообщить Вам что-либо полезное для Ваших занятий в области Melanchthoniana. В Астрахани я пребываю в двух поликлиниках и затем экспертной трудовой комиссией признан неспособным к работе и нуждающимся в присмотре за собою. Продолжительная почти полная неподвижность, вызвала такое угрожающее развитие артериосклероза (и, между прочим, сосудов головного мозга), что я физически совершенно разваливаюсь. Чрезвычайная гипертрофия сердца, расширение аорты, испорченные почки и редко увеличенная печень. Вот мое состояние! Отлеживаюсь здесь понемногу и мысли постепенно сосредоточиваются на старом. Воскресают научные интересы при сознании всей обстановки и своих сил!

Отдел Реформации у меня не был развернут в должной мере. Автографы деятелей этой эпохи и оригинальные издания времени первой четверти XVI века очень ценятся в Европе, и мои попытки завладеть тем или иным материалью большей частью не удавались. Отискали или продано, или при аукционах. «Ваш лимит далеко пре-
взойден!»

По части печатных книг я пробовал использовать знаменитую библиотеку (*hrzb.*) (по аукционным очень хорошим каталогам), но получил сравнительно мало — всего несколько изданий. Из указанных Вами книг у меня только может быть несколько томов центурий. Среди автографов Меланхтон имеется в виде письма и в виде собственноручной копии его с чужого текста. Может быть, Вам что-нибудь и пригодилось бы при общем просмотре всех писем ученых

Wissenschaft weiterzutragen haben; freilich — und das ist es, was uns mit grösster Sorge in die Zukunft blicken lässt an der Stelle, wo dieser Kämpfer, vom Tode bezwungen, die Fackel aus der Hand legen musste, steht keiner, der sie aufnimmt.

²⁸ СПб. ФА РАН, ф. 192, оп. 1, д. 69, в. 19—25.

²⁹ Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев: Византиноведение в рукописном наследии ученого // Архива русских византинистов Санкт-Петербурга / Под ред. Н. П. Медведова. СПб., 1995. С. 181.

³⁰ Бенешевич В. Н. Николай Петрович Лихачев: (Некролог) // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 441—443 (публикация Л. Г. Климанова).

XVI века, но вообще Реформация у меня была гораздо слабее от-дела «Гуманистов» (Италия давала большую возможность приобре-тать!).

Я бы хотел обратить Ваше внимание на тот carton архива Льва Адляция, который мною был временно положен в Публичной библиотеке для Дмитриевского. Письма некоторых ученых, но особенно Гоара по поводу Евхология, положительно заслуживали разработки. Первое издание Евхология у меня имелось, и, помнится, даже в двух экземплярах.

Не пишу ничего о сфрагистике. Несваранно больно! Все спута-но безвозвратно! Преданный Вам Н. Лихачев.

Пользуюсь листком от старого письма. От старости эта бумага не выдерживает чернил!¹¹

И. 25 января 1936 г., г. Ленинград

Дорогой Владимир Николаевич! Успел сделать несколько шпаци-сок о книгах и статьях. Сердечное Вам спасибо! Знал, как Вам нужен этот уникальный экземпляр, поспрашиваю с благодарностью! Ваша записка в обработанном виде приобрела поразительную силу. Поздравляю.

Листок павлука VI века должен быть издан фотокопией в одном из итальянских журналов. Эти издания, думаю, могут най-тись только в Эрмитаже, где много выписывали для О. Крюгера.

Сердечно Вам преданный Н. Лихачев.¹²

¹¹ С116, ФА РАН, ф. 192, ин. 2, д. 107, 4 л. Автограф, фиолетовые чернила. С пометой В. П. Белишевского «исполн. 26/X 33».

¹² Там же, л. 3. Речь в письме идет о документе, которому посвящена недав-ная сессия венецианская, штемпля В. П. Белишевского под названием «Eine verschollene Papyrusrolle von J. 553?» (предназначалась для *Byzantinische Zeitschrift*). Пользуясь случаем, публикую текст заметки: «Uspenski hat in seinem Tagebuch (*Das Buch mei-nes Lebens*, V, 331) folgendes notiert: „Das ich mir ja nicht vergesse! Die griech. Bruderschaft von Venedig verwahrt eine grosse Papyrusrolle aus Ravenna. Auf derselben sind die Civilgesetze im J. 553 n. Chr. geschrieben. Dieses wertvolle Denkmal, vielleicht einzig in seiner Art, hat sich unversehrt erhalten. Leider habe ich es weder 1842 noch 1854 gesehen, weil ich von seiner Existenz nicht wusste“. Vor etwa 35 Jahren habe ich mich bei der Geistlichkeit der Kirche S. Giorgio dei Greci in Venedig nach den griech. Hss erkundigt, deren Erwähnung ich damals in meinem Führer durch Venedig gefunden hatte, wurde aber schloß abgewiesen mit dem Hinweis, dass keine griech. Hss. in S. Giorgio vorhanden wären. Es fragt sich nun: 1) ist die von Usp. erwähnte Papyrusrolle vom J. 553 jemand bekannt bzw. sonst irgendwo erwähnt und je beschrieben worden? 2) sind die griech. Hss. in S. Giorgio dei Greci jemand bekannt geworden, nachdem O. Schusset's Verzeichnis der Kataloge griech. Hss. (Graz 1924) erschienen ist? 3) wo wäre die wichtige Papyrusrolle sonst wenn nicht in S. Giorgio zu suchen? 22. VIII. 1935» (С116, ФА РАН, ф. 192, ин. 3, д. 87, л. 369).